

Gennady Gor

Геннадий Гор

1907–1981

translated by Ben Felker-Quinn, Eugene Ostashevsky, and Matvei Yankelevich

GENNADY GOR belonged to the avant-garde circles of Leningrad in the 1930s, but was ostracized for his alleged formalism. After the Siege and his return from evacuation in Perm, he became a well-known scholar, collector of the art of Northern ethnicities, and science fiction writer. He was renowned in Leningrad as an art historian and mentor to young writers.

The poems included here were written between July 1942, when his evacuation began, and 1944. He spent the first winter months of the Siege with his in-laws. His wife and children were evacuated from the city before the Siege started, so mentions of their deaths in his poetry are fictional.

...

Ручей уставши от речей
Сказал воде что он ничей.
Вода уставшая молчать
Вдруг снова начала кричать.

...

The creek sick of speech
Told water it took no side.
The water sick of silence
At once began again to shriek.

...

Красная капля в снегу. И мальчик
С зеленым лицом, как кошка.
Прохожие идут ему по ногам, по глазам.
Им некогда. Вывески лезут
“Масло”, “Булки”, “Пиво”,
Как будто на свете есть булки.
Дом, милый, раскрыл всё —
Двери и окна, себя самого.
Но снится мне детство.
Бабушка с маленькими руками.
Гуси. Горы. Река по камням —
Витимкан.
Входит давно зарытая мама.
Времени нет.
На стуле сидит лама в желтом халате.
Он трогает четки рукой.
А мама смеется, ласкает его за лицо,
Садится к нему на колени.
Время все длится, все длится, все тянется
За водой на Неву я боюсь опоздать.

...

A red drop in snow. And a boy
With a green face, like a cat.
Passersby keep treading on his legs, his eyes.
They have no time. Signs peeling—
Butter, White Bread, Beer.
As though there were such a thing as white bread.
Home, sweet, exposed it all—
Doors and windows, its own self.
But I dream of childhood.
Grandma with her little hands.
Geese. Mountains. A river over stones—
The Vitimkan.
In comes mama, long under ground.
There is no time.
A lama in a yellow gown sits on a chair.
He touches a rosary with his hand.
And mama's laughing, petting his face,
She sits down on his lap.
And time keeps stretching, keeps stretching, elongating.
I am afraid to be late to the Neva for water.

...

Здесь лошадь смеялась и время скакало
Река входила в дома.
Здесь папа был мамой,
А мама мычала.
Вдруг дворник выходит,
Налево идет.
Дрова он несет.
Он время толкает ногой,
Он годы пинает
И спящих бросает в окно.
Мужчины сидят
И мыло едят,
И невскую воду пьют,
Заедая травой.
И девушка мочится стоя
Там, где недавно гуляла.
Там, где ходит пустая весна,
Там, где бродит весна.

...

Here a horse laughed on and time bounded,
The river entered the buildings.
Here papa was mama
And mama was mooing.
Suddenly the janitor comes out,
He goes left.
He holds logs.
He shoves time on with his foot,
He kicks the years,
He throws the sleeping ones into the window.
The men sit
And eat soap.
They drink Neva water,
They chew grass after.
A young woman pisses standing
Where not long ago she strolled.
Where empty spring walks about,
Where spring wanders.

...

С воздушной волною в ушах,
С холодной луною в душе
Я выстрел к безумью. Я — шах
И мат себе. Я — немой. Я уже
Ничего и бегу к ничему.
Я уже никого и спешу к никому
С воздушной волною во рту,
С холодной луной в темноте,
С ногою в углу, с рукою во рву
С глазами, что выпали из глазниц
И пальцем забытым в одной из больниц,
С ненужной луной в темноте.

...

With a shock wave in my ears,
A cold moon in my soul,
I am a shot to insanity. I am both check
And mate to myself. I am mute. Now I
Am nothing and running toward nothing.
Now I am no one's and rushing to no one.
A shock wave in my mouth,
A cold moon in my dark,
A leg in my corner, an arm in my ditch,
The eyes that fell out of my sockets,
A finger forgotten in one of the clinics,
An unneeded moon in my dark.

...

Эдгара По нелепая улыбка,
Сервантеса неловкая походка,
Ненужная, но золотая рыбка,
Тревожная, опасная находка.
Меня убьют, я знаю, в понедельник
И бросят тут же, где и умывальник.
И будет мой убийца умываться,
И удивляться там, где целоваться,
И умываясь, будет улыбаться.

...

The uneasy smile of Poe,
The ungainly gait of Cervantes,
The unneeded but golden fish,
The unsettling dangerous find.
They'll kill me, I know, one Monday,
And fling me right here, by the washstand.
And my killer will stand washing
And marveling where it's for kissing
And stand smiling while he washes.

...

Я девушку съел хохотунью Ревекку
И ворон глядел на обед мой ужасный.
И ворон глядел на меня как на скуку
Как медленно ел человек человека
И ворон глядел но напрасно,
Не бросил ему я Ревеккину руку.

...

I ate Rebecca the girl full of laughter
A raven looked down at my hideous dinner.
A raven looked down at me like at boredom
At how slowly this human was eating that human.
A raven looked down but it was for nothing,
I didn't throw it that arm of Rebecca.